

Стас Колокольников

12+

Последняя страница осени

Стас Колокольников

Последняя страница осени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66750873

SelfPub; 2022

Аннотация

Приехав в Москву в поисках работы, Анатолий пишет сценарии для корпорации КСИ, обслуживающей игровые автоматы. Это приводит к ряду загадочных событий, которые меняют жизнь героя.

Стас Колокольников

Последняя страница осени

Улицу перебегали мальчишки. Они махали руками, что-то кричали и смеялись. Единственная на дороге машина – красный спортивный кабриолет, похожий на летящую стрелу – приближалась к ним, не сбавляя скорости. Расстояние сокращалось в мгновения. Машина пронеслась в полуметре за спиной последнего пацана.

Живая картина опасности взволновала настолько, что Толя, убирая телефон в карман, отошел от подъезда и замер на обочине, наблюдая, как исчезает красная точка вдали и убегают во двор мальчишки. Посмотрев им вслед, Толя снова достал телефон и набрал номер.

Уже месяц он искал работу, обзванивая конторы, предлагавшие вакансии попроще. Вынужденное безделье устраивало кого угодно, только не хозяйку квартиры, где он снимал комнату. А неделю назад попало объявление фирмы, производившей игровые автоматы. Требовался сценарист. На звонок отреагировали сразу – предложили ознакомиться с продукцией и написать пробный сценарий. В тот же день в игровом зале у метро «Арбатская» Толя не без сожаления избавился от сотенной купюры, старательно изображая, что же требуется от сценариста такого рода. Ночью он отправил два готовых варианта по электронной почте.

Потом несколько раз в течение следующего дня Толя звонил, чтобы выяснить судьбу своей работы. Попросили перезвонить неделей позже. Чем он и занимался, пока не увидел мальчишек, перебежавших дорогу перед спортивным автомобилем.

– Корпорация КСИ, – наконец услышал он в трубке.

– Здравствуйте. Будьте добры, добавочный сто тридцать один.

– Секундочку.

Следующую трубку взяли на удивление быстро, и неизвестный голос сообщил:

– Слушаю вас.

– Владимир Олегович? – засомневался Толя.

– Кто его спрашивает?

– Я по поводу вакансии сценариста, – напомнил Толя.

– Как ваше имя?

– Анатолий Витальевич Дремалин. Мне назначили на сегодня.

– Вы уверены?

– Да.

– Что еще поручал вам Воронцов?

Тут Толя понял, что тон, в котором началась беседа, настораживает. Его явно допрашивали. Помолчав, он попросил объяснения:

– А в чем дело? Владимир Олегович говорил, что узнавать по поводу сценария нужно лично у него.

– Послушайте, Анатолий Витальевич, – строгим голосом говорила трубка. – Вы один из последних, кто общался с Воронцовым.

– Это было на прошлой неделе. Мы говорили по телефону.

– О чем?

– О моих сценариях. Их взяли на рассмотрение, об окончательном решении должны сегодня сообщить. Вот и всё, – выложил как есть Толя. В трубке молчали. Толя не удержался и спросил: – С ним что-то случилось?

В трубке продолжали молчать.

– Нам бы тоже хотелось узнать, – наконец услышал Толя. – О чем вы еще говорили? Вы давно знакомы?

– Больше ни о чем. Я сказал, что сценарии готовы и отправлены. Он сказал, что они у него и предложил созвониться позже. Вот и всё. Мы и не встречались никогда.

– А каких сценариях идет речь?

– Для корпорации КСИ, для их игровых автоматов. Я придумал два.

– Что за сценарии?

– «Мультфильмиллион» и «Царевна-лягушка».

– О чем это?

– Ну как, они просто...

– Так. Подождите, – остановил голос из трубки. – Где вы сейчас находитесь?

– На Рублевском шоссе.

– Скажите точный адрес, мы сейчас приедем за вами. Надо поговорить. Это не займет много времени.

– А вы кто?

– Считайте, ваши лучшие друзья, – чуть усмехнулась трубка. – Ваш адрес?

Не поверив, что созвонился с друзьями, Толя отключил телефон. Странное ощущение вдруг нахлынуло, словно его подхватил и закружил мощный вихрь. И теперь уж не вздохнуть полной грудью и не сделать легкого движения, пока другое, необъяснимое, движение не прекратится.

– Что это было? – спросил Толя вслух. – Бред какой-то.

Подобный разговор никогда не представлялся реально возможным. К нему липли другие проблемы: безденежье, нервные подружки, потеря ключей и документов. Исчезновение сотрудника корпорации КСИ не могло иметь к Толе никакого отношения.

– Абсурд! – громко сказал Толя.

Проходившая мимо девушка прибавила шаг.

В кармане завибрировал мобильник, Толя достал трубку и глянул на экран. Номер не определялся. Толя торопливо отключил телефон.

«Почему я испугался? – думал он. – Ведь я ни в чем не виноват, ничего не знаю. Мне нечего бояться». Но голос невидимого собеседника, настаивавшего на встрече – в нем было столько превосходства и силы, что контакт обрывался на уровне инстинкта самосохранения.

До Суворовского парка Толя спешил почти вприпрыжку. Ноябрь сорвал с деревьев последние листья, мокрые и грязные они лежали под ногами. Холм, на который Толя поднялся, продувал холодный ветер. Печально нашептывая о неясном будущем, он просился за пазуху, как бездомный щенок. Прислушиваясь к завываниям, Толя думал, что же теперь делать.

Жизнь всегда казалась ему мало понятной штукой, наполнявшейся смыслом и чувством принадлежности к чему-то важному лишь в моменты радости и вдохновения. Взрослея, он все чаще чувствовал себя бесхозной пылинкой, которую небрежно сдули с ладони вселенной в бесконечность.

Озираясь, Толя забрался глубже в парк и включил телефон, решив позвонить хозяйке – узнать вернулась ли она с дачи. Телефон поймал сеть и загудел на входящем. На экране высветился его домашний номер.

– Алё, Нина Павловна? – удивился Толя.

– Зря вы избегаете встречи, Анатолий Витальевич, – проговорил знакомый голос. – Не сомневайтесь, мы скоро встретимся. Видите, уже знаем ваш адрес. Скоро и вас найдем. Избавьтесь от страха и перестаньте прятаться. Вам ничего не угрожает. Где вы находитесь?

Толя отключил телефон.

Несколько часов он бродил по городу, объясняя себе – с кем имеет дело. Такие длинные ручонки не могли быть у кого угодно.

«Похоже, стоит рискнуть и встретиться, – подумал Толя. – Я не смогу долго скрываться в чужом городе, и вернуться мне не на что».

В поисках работы он приехал в столицу в начале осени. Здесь он почти никого не знал – только один приятель по институту. Ехал Толя с желанием изменить свою жизнь, имея стойкую уверенность, что в столице не могут жить мелко и бессмысленно. За два месяца он подрастерял иллюзий, проникся меланхолией и работу искал по инерции.

На одной из высоток Толя увидел огромный рекламный щит во всю стену, из него выпрыгивала гигантская черная кошка с желто-черными расширенными зрачками размером с окна. Они завлекали гипнотическими воронками. Прибавляя шаг, Толя ощущал себя мышью и в ужасе побежал.

Только у метро он отдышался и сказал себе: «Ничего, это нервы сдают». И поспешил вниз. Вышел он на Чистых прудах, прогулялся по бульвару, погрелся в магазине сувениров – глаза на подарочный парусный корабль размером с его нынешнюю комнату. Чайный клипер очень нравился Толе, он мог смотреть на него долго. Чтобы купить такой, надо было продать свою долю квартиры в далеком городишке.

Нескончаемый людской поток успокаивал стадным чувством безопасности. В голове родилась идея – назначить встречу в оживленном месте.

Толя включил телефон. Он тут же завибрировал.

– Анатолий Витальевич, – дружелюбно проговорил знако-

мый голос, – вы успокоились, решились на встречу?

– Да.

– Где мы встретимся?

– В пивной «Кружка» на Чистых Прудах.

– Хм. Как скажите. Вы сейчас там?

– Неважно.

– Хорошо. Пождите минут пятнадцать.

Толя перешел Тургеневскую площадь и спустился в нижний зал большого пивного бара. Место выбрал поближе к стойке, так было спокойнее, да и чернокожий официант своим беззаботным видом умиротворял еще больше. Перебрав последнюю мелочь, Толя заказал пиво.

За пару минут он сглотнул содержимое кружки. Не чувствуя вкуса, выкурил сигарету и пошел в туалет. Пробыл там еще минуты три – долго не мог включить сушилку.

Когда Толя вернулся, не было ни obsługi, ни посетитель. В пустом зале на стене ярко светился большой экран – по сочной зеленой траве на коленях катился Габриэль Батистута, сжимая кулаки и вопя от счастья. Справа от экрана в дальнем углу Толя заметил человека. Перед ним горела точка сигареты, и расплзлось облако дыма. Человек жестом позвал.

Отступая, Толя сделал шаг к лестнице, та зловеще скрипнула под чьим-то тяжелым башмаком. Такая ситуация не предвиделась. Но ощущения опасности не было, наоборот появилась уверенность, что именно так всё и должно проис-

ходить.

Двигаясь между больших столов, волнуясь, как на первом свидании, Толя еле превозмогал дрожь в коленях. Не от испуга. Оттуда, куда он шел, исходило благодушие и понимание. Там мог сидеть старый приятель или сам Создатель.

Человек, которого Толя увидел в свете мерцающего экрана, обладал выразительными глазами и притягательной улыбкой. В них было что-то нездешнее, верховное, как у Махакалы. Красивое лицо вызывало смешанное чувство приязни и волнения.

– Добрый вечер, – проговорил человек, словно поздравили с началом выпускных экзаменов. – Надеюсь, он таким и останется.

На кого же он похож, думал Толя. Когда человек повернулся в профиль, глянуть на еще один гол «Ромы», у Толи мелькнула мысль: «Это же Сфинкс». Перед ним стояла тяжелая хрустальная пепельница на золотых львиных лапах. У пепельницы лежали две фотографии. Сфинкс пододвинул их Толе.

По осеннему парку вдоль потемневшего пруда, в центре которого дремали лебеди, шел Толя в белой куртке. Это было в Алтуфьевском парке дней пять назад. Тогда он заходил в гости к единственному в столице знакомому и на обратном пути решил прокатиться на каруселях. На второй фотографии Толя кружился на аттракционе «Ветерок» – лицо сосредоточенное и несколько глуповатое.

– Обратите внимание на человека, который присутствует на обоих снимках, – мягко посоветовал Сфинкс.

Толя присмотрелся. На первом снимке слева от него на лавочке сидел человек в сером плаще и глядел в его сторону. Толин взгляд был устремлен на пруд. На втором снимке тот же человек стоял у лужи, в которой отражалась разноцветная карусель, и наблюдал за её кружением,

– Вы знаете этого человека? – спросил Сфинкс.

– Нет.

– И там, в парке, вы не заметили его?

– Нет.

– Что привело вас парк?

– Решил прокатиться на карусели.

– Но ведь было пасмурно и дождливо.

– Да. Поэтому и решил прокатиться. Последний раз, накануне зимы, понимаете?

Сфинкс кивнул то ли с пониманием, то ли просто так.

– Посмотрите еще раз внимательно. Вы можете сказать с уверенностью, что этот человек вам незнаком?

Толя поднес фотографию ближе, словно стараясь заглянуть в парк.

– Нет. А кто он?

– Возможно, он причастен к исчезновению Воронцова, – сказал Сфинкс.

– Какое нелепое совпадение, я в парке и этот человек, – проговорил Толя, подумав.

– Рядом с этим человеком не бывает совпадений, ни обычных, ни нелепых, – сказал Сфинкс.

Несколько минут царило молчание. В тишине гудели кондиционеры, и кто-то осторожно кашлянул несколько раз. Молчание напоминало молчание подводников, замерших на дне океана в ожидании хороших новостей.

– Что мне теперь делать? – не выдержал Толя.

Сфинкс задумчиво его изучал.

– А скажите, что там было в этих ваших играх? – наконец спросил он. – Напомните, как они называются.

– «Мультфильмиллион» и «Царевна-лягушка».

– И что это значит?

– Видите ли, я искал работу. Наткнулся на объявление, требовался сценарист для игровых автоматов, работающих по принципу крутящегося барабана. Я как мог изучил тему и наспех составил два сценария. Первая игра была на основе череды совпадающих по смыслу кадров одного мультфильма. Вторая по типу уже имевшейся игры с лягушками, но моя отличалась новыми бонусами. Самое сложное было подобрать картинки, поясняющие сценарий. К первой я нашел в интернете кадры из старого советского мультфильма, где дети отправляют со снеговиком письмо Деду Мороза. Я выбрал эпизод с волком, гнавшимся за лисицей. А ко второму сценарию я нашел в соцсетях фотографию красивой женщины в купальнике, сидевшей в позе лягушки. Она появлялась, когда игрок угадывал, какая из пяти нарисованных лягушек

со стрелой в зубах бонусная.

– У вас какое образование?

– Высшее. Филологическое.

– Где работал до приезда в Москву?

– Везде. Учителем. Журналистом. Строителем.

– Сценарии до этого писали?

– Нет. Это первые.

– Оригиналы ваших работ остались?

– Да.

Сфинкс кивнул и замолчал.

– Так что же мне теперь делать? – опять спросил Толя.

– Возьмите снимки, идите домой и еще раз подумайте, что вас может связывать с человеком в сером плаще, – дружески приказал Сфинкс.

Толя хотел положить фотографии в карман, но Сфинкс протянул конверт.

– Фотографии и как со мной связаться здесь, – пояснил он, глядя Толе не в глаза, а куда-то в переносицу. – Можешь идти, Анатолий.

Толя двинулся к выходу.

– Так значит, нужна работа? – услышал он за спиной.

– Да, – обернулся Толя. – Очень нужна.

Но лицо Сфинкса ничего не выражало. И Толя, смутившись, быстро вышел из «Кружки».

На улице было по-прежнему промозгло и много людей, сумерки и зажигающиеся огни лишь добавляли одиноче-

ства. Дверь квартиры Толя отворил через час. Первым делом вскрыл конверт. Слабо ожидаемых денежных купюр не оказалось. Только две знакомые фотографии, визитка на крепкой картонке с изображением сфинкса и номером телефона без всяких Ф.И.О. и еще маленький блестящий ключик. Настолько искусный и миниатюрный, что казалось, он должен исчезнуть, унесенный подкованной блохой. Не понимая, что с этим делать, Толя убрал ключик и визитку в конверт и еще раз взглянул на фотографии. Человек в сером плаще оставался чужим. Почему он в тот день оказался рядом? Получается уже неделю, как с Толей происходило что-то странное, и удовольствия от этого он не получал.

Под бормотание радиопостановки «Странник играет на сурдинке» Толя предался привычному созерцанию вечерней меланхолии за окном. Усыпанная желтыми листьями она легко проникала в неосвещенную кухню и обволакивала сознание. Денег не было, и Толя пил пахнущий пылью хозяйский чай без сахара. Отсутствие хозяйки не беспокоило, она могла по несколько дней жить одна на отапливаемой даче в Малаховке.

Толя задремал, как вдруг показалось – кто-то возится в ванной, причем, не осторожничая, а спокойно переворачиваясь с боку на бок. Подкравшись, Толя заглянул туда. В тазике кисло белье, замоченное пару дней назад. Но грязным носкам, трусам и майке было еще рано оживать и недовольно возиться. На всякий случай Толя пнул тазик и грозно при-

крикнул:

– Тише вы тут! Не до вас!

Шорох под ванной заставил вздрогнуть. Поборов желание поджать ноги и повиснуть в воздухе, Толя вызвал прилив нервной храбрости и наклонился готовый к схватке с гномами. Но обнаружил то, чего раньше не было – небольшую дверцу с малюсеньким навесным замком.

«Или была... – подумал Толя. – Все равно, не стоит играть в Алису в Страну Чудес».

Убедив себя, что имеет дело с крысой, он ретировался.

Странная дверца не выходила из головы. Вскоре Толя лежал под ванной и изучал замок. О ключике от Сфинкса он вспомнил, ударившись затылком о чугунный корпус ванны.

Ключик подошел. Помедлив, Толя открыл и снял замок. За дверцей была непроглядная темнота, в которой очень хотелось угадать ход в винный погребок. Пока он принюхивался, издали послышались голоса. Толя пошарил рукой – вокруг тепло и сухо. Осторожно просунув голову, он увидел поодаль высокую картонную коробку, в каких привозят бутылки с импортным вином. Чтобы её достать, нужно было вползать целиком. Решившись, Толя протиснулся в проем. Потрогать коробку не удалось, это был обман зрения. Нервно усмехнувшись, Толя развернулся обратно. Ход в квартиру отсутствовал. Тогда он подумал, что дверца захлопнулась, и стал шарить в поисках стены. Но и стен не оказалось. Были только теплый каменный пол и низкий потолок, позволяв-

ший двигаться по-собачьи на четвереньках.

– Глупости, – неуверенно сказал Толя, – разве можно заблудиться под раковиной?

Получалось, что можно. Не успел он как следует ужаснуться, вдалеке опять почудились голоса. Осторожно проползая в их сторону, Толя оказался у стены с металлической вентиляционной решеткой. В неё задувал сырой холодный ветер и хорошо был виден осенний парк. Толя находился в двух-трех шагах за спиной мужчины в сером плаще и вместе с ним наблюдал за кружившейся каруселью. Мужчину он узнал, как и узнал того, кто катался на карусели.

– Как же он догадался? – произнес мужчина.

К кому относились слова, можно было предположить. Но не это испугало Толю, а живой голос, сделавший картину реальной, – он стал быстро пятиться. Пока не попал ногой в знакомую дверцу.

Произошедшее так взволновало, что Толя не придумал ничего лучше, как лечь на диван в позе эмбриона, накрывшись с головой пледом. Его потряхивало, попытка понять хоть что-нибудь закончилась головокружением, и он забылся сном. В замелькавших видениях Толя падал в нору, превращаясь то в Алису, то в гамсуновского странника, то в Сфинкса.

Разбудил телефонный звонок.

– Что он сказал? – спросил бесстрастный голос Сфинкса. Толя вспомнил прогулку под ванной и машинально отве-

тил:

– Как же он догадался. И больше ничего.

Трубка загудела. Сжимая телефон, Толя неуверенно встал.

Дверцы под ванной не было. Толя провел ладонью по стене. Белье в тазу издавала нозящий запах просроченной жизни.

Находиться в квартире, где появляются и исчезают дверцы в прошлое, Толя не смог и, накинув куртку, выскочил в подъезд. На первом этаже из почтовых ящиков торчали рекламные газеты с объявлениями о работе. На газете в ящике его квартиры одно из объявлений было обведено маркером, Толя достал газету и прочел: «Требуется подсобный рабочий в художественную мастерскую на Таганке».

Глядя на замкнутую красную линию, внутри которой заключался текст объявления, Толя вдруг спокойно осознал, что и сам попал в поле чьих-то интересов, и ему не выбраться, пока не позволят. На телефоне оставались деньги, и он позвонил по указанному номеру мастерской.

Через пару дней Толя уже работал на Таганке у художника Саши Белова. Он рисовал орнаменты витражей и мозаики, а толстосумы украшали ими кухни, прихожие и туалеты. Идей у Белова было много, и наемники с полудня до полуночи занимались их воплощением.

Невысокий белобрысый, похожий на вечно недовольного мальчишку с ехидной улыбкой, Белов мотался между двух

столиц, в каждой у него было по жене и ребенку. Он еле успевал прокормить большое семейство. Те, кто работал в мастерской, ощущали его проблемы на своей шкуре. Белов щедрым дождём из монет не осыпал, а подкидывал ровно столько, чтобы подопечные не загнулись от голода.

Как-то поздно вечером Толя убирался в мастерской. Под верстаком, перекладывая мешки с гипсом, он обнаружил дверцу со знакомым замочком. Находка расстроила его, и он сразу завалил её мешками.

Дома за ужином в ожидании пока в пластиковой коробке завариться лапша, Толя гипнотизировал кухонное окно и обратил внимание, что осень необычайно упорно держалась на плаву. Уже начало декабря, а ощущения снега нет. Казалось, осень уснула, забыв перелистнуть последнюю страницу.

Сглотнув двойную порцию лапши, Толя долго не мог уснуть, пучило живот. А едва задремал, его разбудил скрип качелей. Они тоскливо скрипели и скрипели в тишине уходящей ночи.

«Кто же качается так поздно? – думал Толя – Домой не пускают, что ли».

Он встал и выглянул за штору. Человек в сером плаще, как привидение, уныло мелькал в полумраке двора. Толя отступил в комнату и перевел дыхание. Скрип прекратился. Когда он выглянул, на качелях было пусто.

На работу Толя прибежал первым и, не дожидаясь вечера, полез под верстак. Долго он не мог попасть ключиком в

замок, один раз даже уронил его на пол и искал в мусоре. Наконец открыл и вполз. Утробное тепло, знакомые запахи и далекие голоса чуть успокаивали, к тому же Толя знал, чего хотел.

Прислушиваясь, на четвереньках он добрался до решетки. В предрассветной мгле серый плащ человека на качелях казался клочком тумана. Толя смотрел, не мигая, и вслушивался – незнакомец что-то бормотал. Потом он замолчал и вдруг негромко, но внятно произнес: «Ты здесь и сейчас, я везде и всегда. Скоро мы встретимся». Это сломило Толин дух наблюдателя, не в силах сдержать дрожь, он отступил.

В мастерской заливался телефон. Спотыкаясь, Толя подскочил к трубке, уверенный, что звонит Белов, не оставлявший надолго без внимания своих разношерстных непоседливых подопечных.

– Что он сказал? – произнес бесстрастный голос Сфинкса.

– Что происходит?! – крикнул Толя. – Я что подопытный кролик?! Чем меня пичкают? Наркотики? Куда вы их сыпете?! В лапшу, что ли?

– Пока ничего не происходит, – успокоил Сфинкс. – Что он сказал?

– Он что-то бормотал, я услышал только одно: «Ты здесь и сейчас, я везде и всегда, и мы скоро встретимся». Что это значит? Про кого это он? Кто с кем встретится?

Трубка ответила гудками.

– Ты с кем это здесь разговариваешь? – спросил вошед-

ший Белов.

– С доктором! Всё! Нароботался за гроши! Шабаш! Отравился дошираком! Загнусь – за всё ответите!

Плюнув на работу, уверенный, что Белов со Сфинксом одна шайка, Толя побежал домой. На улице он увидел, как птицы сорвались с крыши и пролетели вдоль проводов, словно обезумевшие ноты. Слух даже уловил обрывки трагичных звуков первой симфонии Малера.

– Что за бесконечная осень в декабре?! – в сердцах воскликнул Толя. Но беспокоило другое, он думал: «Что происходит, господи? Кто глумится надо мной? Когда это кончится?»

Толя скрипел мозгами, стараясь связать в цепочку корпорацию КСИ, свои сценарии, прогулку в парке, человека в сером плаще, его немногословные реплики, свое подавленное состояние, дверцы и Сфинкса с ключом от них. Лихорадочные размышления сводились к одному: игровые автоматы – это куча денег.

– Что с того? – спрашивал Толя себя. – Причем здесь я? Где я и где куча денег? А может у меня получилось что-то гениальное?

Дома первым делом он стал пересматривать сценарии. Ничего особого не заметив, кроме того, что от всей работы веяло декадансом, он еще раз убедился – надо быть не в себе, чтобы всерьез её принять. Описание игры, бонусы и призы были безжизненны. Тем, кому игра адресовалась, она не

оставляла и проблеска надежды. Это был бред неудачника. В чем же дело? Внимание Толи задержалось на женщине, скрывавшейся за бонусной царевной-лягушкой. Откуда взялась картинка, он не помнил, но вот женщина была как живая. Со стрелой во рту, поджав ноги, она, казалось, готова в любой момент выбраться наружу и начать игру.

«Но вот какую?» – строго спросил кто-то внутри Толи.

Он чихнул в ответ.

На следующее утро Толя вернулся к Белову – несколько дней его не беспокоили. Изнурительная работа заставляла принять случившееся как агонию этого мира. Толя был уверен, что на нем испытали какие-то новые препараты, как в шестидесятых на обывателях испытывали ЛСД.

Серым дождливым декабрьским днем Белов был не в настроение. Он материл рабочих, ползавших как черепахи. Потом долго решал, кого отправить на установку нового витража.

– Ну что, тупые ленивые упыри, – твердил Белов, – не хотите работать, а хотите деньги получать. Да мне от вас больше убытка, чем пользы.

Наконец он выбрал смышленного парня, бросившего семью, жену и двух детей, ради работы в столицы. Толю отрядил в помощники.

Провозились допоздна. В огромной четырехэтажной квартире на Остоженке, где собирался поселиться молодой брокер, который не имел семьи, но уже выстроил детский

этаж и необъятную спальню, остались только Толя и напарник.

Винтовая лестница вела с этажа на этаж как по палубам брошенного корабля. Толя поднялся на самый верх, где за окном стену опоясывал балкон и площадка для цветника. На соседней стене орнамент Белова повторял узор из спальни одного из царей древней династии Урук. Толя провел рукой по еще не высохшей колерованной шпаклёвке и вспомнил, как недавно также трогал стену, на которой только что была дверца, и ему вдруг нестерпимо захотелось обладать этим большим дом. Сердце шептало, что в этом городе жить «здесь и сейчас» в его случае значит – не иметь ничего кроме этого «здесь и сейчас». Так Толя прожил всю бесконечную осень, так он прожил почти всю жизнь.

Сейчас он хотел дом, семью, смотреть по вечерам в большое окно на цветник и думать, что «здесь и сейчас» – это всего лишь граница, на которой получаешь всё, что хотел. А за этой границей уже другой мир – «везде и всегда». Усмехнувшись своим мечтам, Толя спустился в столовую, где смонтировали витраж, стоивший, как отдельная квартира в Подмосковье.

Пока напарник умывался на цокольном этаже, Толя собирал инструмент. Вдруг кто-то чуть слышно проскрипел вверх по лестнице. Толя успел заметить лишь край серого плаща.

«Господи! – подумал он, обхватив голову. – Неужели

опять он? Не может быть. Мне пора в психушку. Господи, не лишай меня разума!».

Тишина вверх и вниз неприятно щекотала нервы.

Напарник появился спустя вечность. Вытираясь полотенцем, он удивленно посмотрел, как Толя прячется в столовой, и спросил:

– Толян, все в порядке?

– А что?

– Ты сейчас, как из фильма ужаса. Человек, который увидел то, чего лучше никому не видеть. Ты, мужик, да ты что, переработал что ли?

– Нет. Да. Все в порядке. Пора домой, жрать хочу – не могу.

В темноте на пути к дому Толя вздрагивал на каждом шагу. Голые деревья и кусты пугали призраками. Весь мир казался ловушкой. Толя зашел в ночной магазин, потоптался у бутылок с выпивкой, понял – не поможет. Купил лапши, кофе, пачку сигарет и вышел.

Увидев в окнах квартиры свет, Толя обрадовался. Наконец-то – хозяйка вернулась с дачи. Но дома никого не оказалось, хотя в гости явно заходили. В комнате все было перевернуто, как будто вещички перетрясли дружки Билли Бонса в поисках карты. Когда выяснилось, что из ноутбука исчезли оригиналы сценариев, Толя стал заводиться:

– Вот уроды! Вы, значит, сильные мира сего, а я тварь дрожащая?! Я вам не крыса лабораторная! Да вас... Нет, я так

просто не дамся! Сами лезьте в свои лазейки!

Разбушевавшись, Толя смыл ключик в унитаз. В истерике попинал чугунную ванну. Не сомкнув глаз, глотая кофе и выкуривая сигарету за сигаретой, он еле дождался утра. В голове отстукивало одно: «Бежать, бежать! Подальше из сумасшедшей квартирки, из безумного города. Бежать, потому что здесь доконают быстрее, чем в любом другом месте».

Спозаранку, хромая, Толя заявился к Белову, тот еще спал на своем затертом диванчике в углу мастерской. На табурете стояла бутылка с недопитым коньяком и блюдо с подсыхающими дольками лимона.

– Нужны деньги! – с порога крикнул Толя. – Мне пора валить отсюда! Кто-то решил, что я участвую в большой игре. Это не так! Я ни в чем не участвую!

– Кхм, денег не будет до конца недели, – откашлявшись, еле сдерживая зевоту, сухо объяснил Белов. Его не удивляла Толина истерика, он видел и не такие жертвы дошираковой диеты. – Наш основной клиент лежит в коме на Мальдивах.

– Где?! Кто? Как в коме? Что с ним?

– Доской ударило.

– Что за фигня? Какой доской?

– Да, бывает, ударило по голове доской для серфинга, – нехотя объяснял Чернов. – Но его жена... Не та, с которой он приходил, а которая сейчас, молодая. Она сказала, что в любом случае проект будет продолжен, ей нужно только подписать кое-какие бумаги. На это уйдет неделя, а может

чуть больше.

– Господи, почему мне так не везет?! – воскликнул Толя. – Это не жизнь, это кошмарный сон!

– Вот тебе пятьсот рублей, – пожал плечами Белов. – Остальным дам по триста. Так что тут тебе повезло – ты пришел первым.

Схватив бумажку, Толя выскочил на улицу. Холодный дождь беззвучно моросил на землю, как будто кто-то беззлобно мочился на труп. Осень затянулась до предела, похоже, она сама не знала, чего ждет тут в декабре.

В переулках Абельмановской заставы за Толей увязался громко лающий взрослеющий щенок с большими лапами. Не обращая на него внимания, Толя убежал от своих мыслей. Молодецки расшвирипев, собака подскочила ближе и укусила чуть ниже лодыжки. От неожиданной боли Толя громко вскрикнул и разразился дикой бранью:

– Чертова сука! Сука! Какого хрена! Хочешь узнать побольше о вивисекции?! Я тебя!

Щен в ужасе умчался прочь. В ближайшей аптеке Толя купил спиртовой настойки боярышника. Смазал ранку, выглядевшую как укус акулы, и выпил остатки. В кармане занервничал телефон.

– Алло! – крикнул Толя в трубку.

– Возьми ключ, – дружелюбно посоветовал Сфинкс.

– Где возьми? – возмутился Толя. – В канализацию нырять? Хотя вы и так меня туда обмакнули, теперь осталось...

– Иди в сторону Рогожки, – перебил Сфинкс, – на первом перекрестке свернешь направо в переулок, не переходи трамвайные пути и внимательно смотри себе под ноги. Шагай.

– А если... – хотел поспорить Толя, возбужденный укусом и боярышником, но врожденное чувство самосохранения прикрыло рот, и он сказал:

– Ага, пошагали уже, командир.

Ключик лежал перед трамвайными путями, под оберткой от мороженого. Обертка отлетела в сторону при приближении Толи. Наклонившись за ключиком, он почувствовал, как за ним следит не одна пара глаз.

Ключик перебрался в карман, и Толя стремительным шагом, убегая от ощущения, что он длинноносый любитель приключений, не поладивший с хозяином кукольного театра, вдоль рельс направился в сторону Калитниковского кладбища. Толя знал это место хорошо, пару раз ходил туда выпивать с коллегами.

Обжигая лицо и руки, подул холодный ветер. Листьев уже не осталось, ветер догрызал их скелеты. Толя и сам бы обратился в листок, отдался ветру, если был бы уверен, что тогда его оставят в покое.

Голова лихорадочно работала, он негромко спрашивал себя:

– Зачем они подсовывают этот ключ? Что хотят найти с помощью меня? Наверняка я всего лишь приманка. Когда же

этому наступит конец? Боже мой, кажется, я теряю последний разум.. Нет-нет, я не доживу до конца этой истории.

За воротами кладбища он сбавил шаг. Обстановка вокруг внушала печальное настроение и неспешность. И вдруг она, как смычок по струнам, прошла по напряженным нервам, и Толя услышал вступление одной из сонат Паганини. Пронзительное звучание скрипки было как осознание того, что с самого начала осени под ногами была только одна дорога – сюда.

Бесцельно Толя бродил среди могил, стоял у надгробных камней, где рядом были похоронены Скворцовы и Журавлевы. А что если многие птицы не улетают на юг, думал он, а их просто закапывают стаями в землю под птичьими фамилиями? В подтверждение, Толя увидел валявшиеся поблизости выдранные перья.

Мимо прошли три девушки. Две шли с детскими колясками, а третья впереди с бутылкой вина. Она несла её немного странно, как жезл, позволяющий пройти через долину мертвых. Игривый щебет подружек, не замечавших унылого настроения осени, будто цеплялся за оградки как потерянный легкий палантин.

Перейдя на другую дорожку, ведущую в сторону часовни, Толя вдруг почувствовал, как за спиной что-то происходит. Обернувшись, он ничего не увидел, но продолжал ощущать, как из глубины аллеи на него медленно движется сгусток энергии. Вскоре уже было видно, как пространство впе-

реди искривилось, будто в него как в воду бросили булыжник.

За последние дни Толя по привычке к необычным вещам, и испуг наполнился терпеливым ожиданием. На мгновение он увидел прямо перед собой женщину, губами она придерживала маленькую стрелу. Женщина была так близко, что Толя шагнул назад, чтобы не столкнуться. Но её зыбкое тело все равно коснулось его и прошло насквозь. Парализованный он не мог пошевелиться, но чувствовал, как женщина уходит, оставив в нем свою частицу, колючую как наконечник стрелы.

Поняв, что может двигаться, Толя рванул прочь с кладбища. На бегу он вспомнил, что видел женщину на картинке в окружении смеющихся болотных тварей, которыми проиллюстрировал игру «Царевна-Лягушка».

На выходе кладбища стоял Сфинкс. Он выглядел очень уставшим, было видно, что он и рад бы не задавать вопросы, но ничего поделать не может.

– Ты узнал её? – спросил Сфинкс.

– Кажется, да, – не выходя за ограду, ответил Толя. – Она была на фото, которое я взял для игры, чтобы обозначить царевну-лягушку.

– Помнишь, где взял фотографию?

– В соцсетях или на каком-то сайте, кажется, для взрослых...

– Знаешь кто она?

Толя пожал плечами.

– Она проработала в корпорации КСИ всего неделю, стала любовницей Воронцова и пропала вместе с ним.

– Странно, – сказал Толя.

– Она и тот человек в сером плаще, безусловно, как-то связаны, – продолжал Сфинкс, – но вот как? Есть предположение, что она и он вообще один и тот же человек. Понимаешь?

– Никак нет, – четко ответил Толя.

Это «никак нет» Сфинксу, кажется, понравилось, и он улыбнулся.

«А разве так бывает?», – хотел спросить Толя, но, понимая, что вопросы здесь задает Сфинкс, промолчал.

– Бывает, бывает, все бывает, – сказал Сфинкс. – Сам-то что думаешь?

– Возможно, за этим стоят большие деньги, политические аферы и новые методы управления сознанием, – сразу изложил Толя своё предположение.

– Возможно, – уклончиво проговорил Сфинкс, как показалось Толе, с долей иронии.

– А ключик вы зачем мне дали?

– Мы нашли его в столе Воронцова, он лежал в конверте с надписью «Для Анатолия Дремалина».

– Не может быть!

– Может.

– И что мне с ним теперь делать?

– На крайней слева аллее есть старый склеп, тебе туда.

– Зачем?

Сфинкс посмотрел так, что Толя молча нащупал ключик и пошел к склепу. Глядя на могилы, он без особого удивления понял, что видит людей, чьи кости там лежали. Вернее не самих людей, а то, какими они были при жизни, и как встретили смерть.

Вот Лидия Скворцова. Она училась в МГУ на историка, мечтала работать стюардессой, была влюблена в капитана милиции. Он был старше её на десять лет. Лидия умерла в возрасте двадцати семи лет от заражения крови, смерть увидела как серебристое облако, накрывшее одноместную больничную палату, куда её положили по знакомству. А вот Журавлев Василий Петрович. Он работал авиаконструктором, имел ордена Славы и Труда, дожил да семидесяти одного года, всю жизнь любил одну женщину, свою жену, работавшую акушером, воспитал трех дочерей. Журавлев был примерным семьянином, умер дома от кровоизлияния в мозг, смерть увидел как ослепительный луч, отделивший его голову от тела.

У склепа, обвитого высохшим плющом, Толя задержался. В сгущавшихся сумерках кладбище стало походить на черное колесо, которое наматывало мир, раскинувшийся за его пределами. Скорость была столь велика – до головокружения, что Толя поспешил отпереть знакомый замок и шагнул в темноту.

Он не сразу понял, что попал в комнату с балконом и цветником. Это был дом на Остоженке. Человек в сером плаще стоял у окна.

– Ну вот ты и дома, – сказал он, не оборачиваясь.

Толя решился подойти чуть ближе и замер за спиной человека, наблюдая вместе с ним, как на улице еле заметно, отблескивая в свете фонаря, кружили снежинки.

– Случайность это или нет, уже неважно, – заговорил человек в сером плаще, – но в своем сценарии «Царевна-лягушка» ты вручил верховной жабе её стрелу, когда-то недолго принадлежавшую шумерскому царю Таммузу. По преданию он украл стрелу у божества бездны и воды Энки, когда был приглашен на званый обед на небо. Позже он получил от Энки послание, что если удержит эту стрелу в себе и не умрёт, то исполнится любое его желание. Таммуз, испугавшись, решил избавиться от стрелы и запустил ее в болото. Стрелу в тростниках поймала жаба, служившая Энки. И тогда Энки превратил жабу в прекрасную женщину и отправил её во дворец к Таммузу. Царь влюбился в незнакомку. Но насладиться своим чувством ему не удалось, вместе со стрелой жаба прошла сквозь него. Таммуз умер, и Энки установил смерть неизбежным уделом для не знающего цену своим желаниям человека, а жаба стала символом всего недостижимого. Позже был еще китайский вождь Хоу. Он за благочестивую жизнь получил в дар от небесных покровителей эликсир бессмертия. Но его жена, тоже возжелав вечной

жизни, украдал эликсир, за что была превращена в жабу. Вот так. На самом же деле между человеком и бессмертием стоит знак равенства.

– Вы тоже посланник Энки? – вырвалось у Толи.

– Почему это? – удивился человек в сером плаще.

– Вы столько об этом знаете и так просто рассуждаете о бессмертии.

– Бессмертие естественно как воздух. Именно поэтому человек большую часть жизни твердо уверен, что никогда не умрёт. Человеку изначально дано познать вечную жизнь, но он своим отношением к ней сам выбрал смерть. Но вернемся к тому, что касается тебя. Ты удержал стрелу.

Человек в сером плаще замолчал. Толя подождал продолжения и спросил:

– Что же мне делать теперь?

– Ложись спать, утром с моря прилетит жена с ребенком.

– Чья жена?

– Твоя. Это же твой дом.

– Как это?

– Ты ведь хотел так жить? – человек кивнул на роскошное жилище.

– Да.

– Получай. Твое желание исполнилось.

– Это что другой мир?

– Тот же, это ты другой. Ты у самой границы везде и всегда.

– А если я хочу оставаться здесь и сейчас?

– Ты можешь оставаться, где захочешь. Земное бессмертие это и есть здесь и сейчас, а дальше везде и всегда.

– А что с Воронцовым? – вдруг вспомнил Толя.

– Он не смог удержать стрелу, как и Таммуз.

– А как это можно её удержать или не удержать? И причем здесь этот Воронцов?

– Открыв твой сценарий «Царевна-лягушка», он вызвал своими желаниями верховную жабу. А её стрела, это стрела чистоты и ожидания. Тот, кто в своих желаниях потерял чистоту и не умеет ждать, её не удержит. Хватит спрашивать. Все ответы на свои вопросы ты получишь в этом доме. Пойдем, проводишь меня до двери.

Толя спустился в холл следом за человеком в сером плаще, так и не разглядев его лица. Пока они спускались, Толя обратил внимание, что ремонт в доме уже закончен. В обжитых комнатах валялись кое-какие его вещи, на одной из стен в прихожей был прикреплен большой парусный корабль из сувенирного магазина на Чистых прудах, а на другой стене от пола до потолка была выложена мозаикой египетская богиня Хекет с головой лягушки. Она стояла на одном колене, подняв руку. В руке стрела. Её вид почему-то окончательно убедил Толю, что он может здесь поселиться.

Ничего больше не сказав, человек в сером плаще шагнул за дверь, миновал двор и исчез за углом дома.

Толя вышел за ним на Остоженку, но никого не увидел.

Только показалось, что по освещенному фонарями пустому коридору улицы улепетывает его одиночество.

Он стоял и думал о том, что не понимает, сколько в нем осталось его самого. Он чувствовал, как покалывает в груди и будет покалывать впредь, напоминая, что свой земной костюм он будет донашивать вместе со своими желаниями. И от этого не было тесно или неудобно, также как не было особого комфорта или радости. Было ощущение божественного космоса внутри, в котором он все больше терялся, а точнее множился, как в зеркалах, заглядывая в новые свои отражения. Он стоял на Остоженке, он неподвижно висел вниз головой, он на свои нужды наматывал на себя вселенную, и он же распускался как веретено, отдаваясь жизни на бесконечные узоры.

Запрокинув голову, он ловил губами снежинки. Последняя страница осени перевернулась, и снег накидывал чистый лист.